

Кризис и динамика социальных настроений

В.В. ПЕТУХОВ

Исследования последних лет свидетельствуют, что российское общество за последние 15–20 лет заметно изменилось. Эти изменения коснулись прежде всего мировосприятия россиян, которые сегодня сталкиваются с совершенно иными проблемами и вызовами, чем ранее. Особенно отчетливо это проявилось в конце 2008–2009 гг., причем не только из-за экономического кризиса, но и вследствие исчерпанности многих форм и методов организации социальной жизни, деградации демократических институтов, снижения уровня социальной мобильности и политического участия россиян.

Настоящая статья подготовлена на основе социологических исследований Института социологии РАН, других социологических центров и посвящена анализу динамики массовых настроений именно на этом, во многом переломном для страны рубеже, таящем в себе как новые возможности, так и новые угрозы.

Ключевые слова: адаптация системы власти, архаизация сознания, разница в материальной обеспеченности населения, субкультуры в современной России

Посткоммунистическая трансформация России: восприятие экспертов и населения

Прошедшие два десятилетия в современной российской истории ознаменовались глубокими переменами в политической жизни и социально-экономических отношениях. Но несмотря на масштабность этих изменений, посткоммунистическая Россия до сих пор характеризуется многими отечественными и зарубежными аналитиками как общество «переходного типа», перспективы дальнейшей эволюции которого представляются весьма неопределенными. Финансово-экономический кризис эту неопределенность усилил. Это касается не только отдельных достижений и промахов властей, неизбежных в условиях качественно новой ситуации, но и главных вопросов жизни общества, связанных с перспективами страны в целом. Одновременно он обнажил то, что было видно многим и раньше: концентрация власти на ее верхних этажах при очевидной слабости и неэффективности других «несущих» конструкций политической системы, экономических и социальных институтов начинает представлять серьезную угрозу для настоящего и будущего России. В этой связи многие эксперты полагают, что кризис станет хорошим поводом отказаться от излишней централизации власти и принятия ключевых решений,

вновь вернет интерес как общества, так и власти к человеческому измерению демократии, к тому, что принято называть гражданским обществом.

Так, главный редактор «Независимой газеты» К. Ремчуков полагает, что в настоящее время требуется адекватная новым вызовам адаптация системы власти, расширение реальной демократии, способной подтягивать толковых, неравнодушных людей для решения серьезных проблем развития. Возрастающей неопределенности системы, ее энтропии можно противопоставить только «впрыск» в нее новой энергии людей, которая может высвободиться только в благоприятных для личности условиях подлинной демократии [Ремчуков 2009].

Возникает, однако, закономерный вопрос: возможно ли после того, что происходило в стране последние 10–15 лет, раскрепостить энергию россиян, вернуть им доверие к демократии, к ее базовым ценностям и институтам, вновь вовлечь в общественную и политическую жизнь страны? Этот вопрос имеет и более широкий контекст: является ли Россия современным обществом, и если да, то обладает ли она человеческим потенциалом, адекватным потребностям этого общества? Ведь наличие в обществе формальных институтов рынка и демократии еще не означает его «современности», так же как нет жесткой корреляции между появлением указанных институтов и соответствующей социокультурной трансформацией.

Не случайно характер влияния новых условий специалистами оценивается по-разному, зачастую с прямо противоположных позиций. Одни исследователи, как, например, известный польский социолог П. Штомпка, подчеркивают, что движение по пути реформ ведет, хотя и с серьезными издержками, к преодолению «антидемократического синдрома» (страха перемен, настороженности и недоверия ко всему новому, нежелания нести ответственность за себя и безынициативности) [Штомпка 2001, с. 6]. Примерно об этом же говорят известные российские социологи Т. Кутковец и И. Клямкин, подчеркивая, в частности, что вектор развития российского общества, вопреки распространенному мнению, явно направлен в сторону, противоположную традиционализму. Общество все больше отторгает отношение к себе как к пассивному объекту государственного управления и государственной опеки. А представления о «народе-овоще», состоящем из инертных, пассивных и ленивых людей, неспособных на самостоятельную и ответственную инициативу, – миф [Кутковец, Клямкин 2005, с. 51–52].

Напротив, другие российские ученые, в частности В. Федотова, в происходящих в стране процессах видят прежде всего архаизацию сознания и поведения очень многих людей, причем осуществляемую с подачи власти в обмен на лояльность. По мнению Федотовой, Россия получила такой «удар капитализма», от которого она не в состоянии оправиться до сих пор. Отсюда – посттоталитарная травма, посттоталитарная апатия, выражаемая в синдроме недоверия, мрачном взгляде на будущее, ностальгии по прошлому, которая радикально отличается от «пресыщенной апатии» Запада [Федотова 2005, с. 41]. Н. Патрушев обращает внимание на то, что россиянам в массе своей присуще желание пользоваться благами современной цивилизации, которое, однако, не сопровождается стремлением что-то менять в жизни и прежде всего – господствующие нормы и привычный образ жизни. То есть он фиксирует почти то же самое, что и Федотова: не преодолеть

ние «посттоталитарной травмы», а пассивное приспособление и адаптация к ней [Патрушев 2006, с. 329].

Наконец, довольно широко распространена точка зрения, согласно которой произошедшие в стране перемены хотя и существенно изменили социальную структуру общества, но не привели ни к появлению сильного, многочисленного среднего класса, ни к повышению социальной и политической интеграции общества. Наоборот, общество распадается на сегменты, фрагментируется. Основная масса населения продолжает существовать в рамках традиционной модели жизнеустройства, но одновременно появляются островки современности, прежде всего в мегаполисах.

В частности, О.И. Шкаратан в своих работах обращает внимание на то, что в постсоветской России при том типе власти и собственности, который в ней сложился, современного среднего класса просто не может быть; а те слои, которые теоретически могли бы составить его основу, прежде всего предприниматели и профессионалы, оказались в самом сложном положении [Шкаратан 2005].

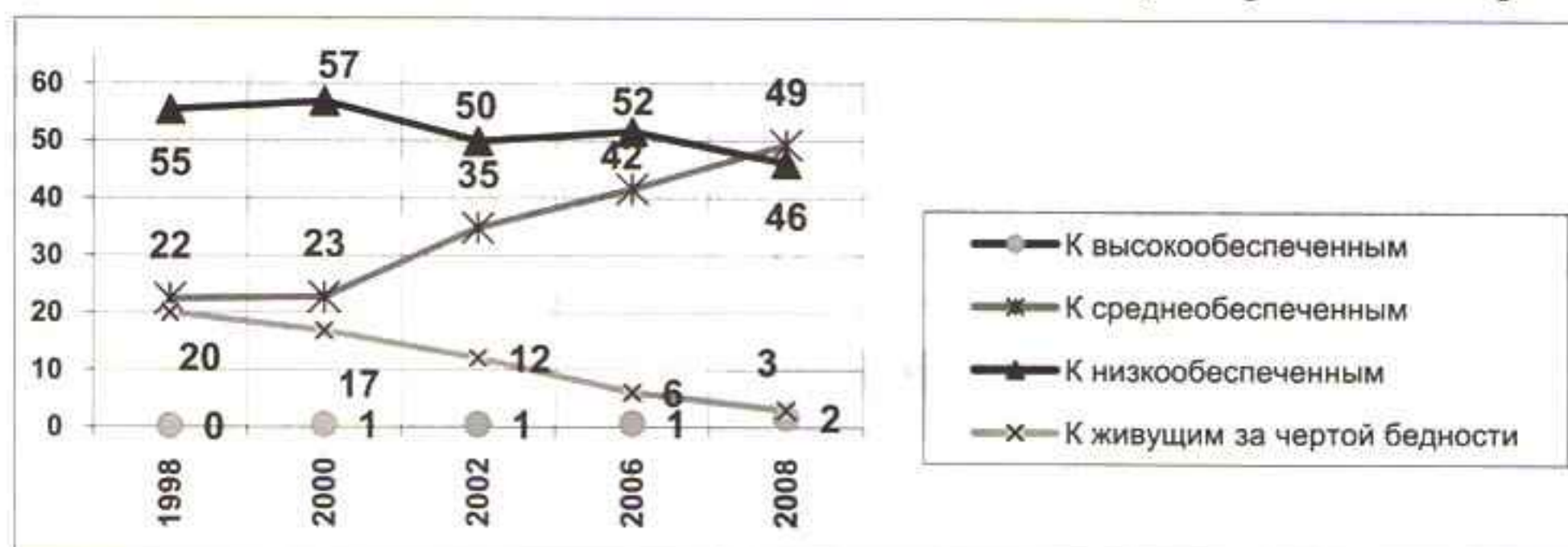

Рис. 1. Динамика уровня материального обеспечения россиян (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Источник: Мониторинговые исследования ИС РАН.

Итак, процессы, происходящие в обществе за последние десятилетия, дают пищу для самых разных интерпретаций и оценок. Тем не менее неоспоримым фактом является то, что даже по сравнению с серединой и концом 1990-х годов сегодняшняя Россия – во многом другая страна, сталкивающаяся с совершенно иными проблемами и вызовами, чем ранее.

Как социальная практика, так и исследования последних лет свидетельствуют о том, что Россия «нулевых» уверенно вышла на траекторию стабильного экономического и социального развития, а многие страхи, которые довлели над страной 10–15 лет назад – опасения распада страны, гражданской войны, экономического коллапса и т. д., – остались в прошлом. Восемилетний экономический рост обусловил также заметный рост доходов населения. Так, доля россиян, относящих себя к среднеобеспеченным, по сравнению с постдефолтным периодом (осень 1998 г.), практически удвоилась (с 22 до 49%). Причем впервые за 10 лет число людей, считающих себя среднеобеспеченными, превысило долю низкообеспеченных. Также заметно сократилось число тех, кто отнес себя к живущим за чертой бедности, – с 20 до 3% (см. рис. 1).

Безусловно, среднеобеспеченные слои – это еще не средний класс в общепринятом смысле. Тем не менее бытовавшее в некоторых российских и зарубежных экспертных кругах мнение о России как стране бедных, инертных людей, у которых доминируют патерналистские установки и ориентации, уже не соответствовало действительности. У нас по-прежнему было много бедных и еще больше малообеспеченных. Но уходил в прошлое позорный для любой цивилизованной страны тип бедности – бедность здоровых, образованных, а главное, много работающих людей – учителей, врачей и других «бюджетников».

Будучи явно не в восторге от либеральных реформ 1990-х годов, россияне, тем не менее, достаточно успешно адаптировались к тем переменам, которые произошли в стране. Во всяком случае, к 2009 г. лишь 13% опрошенных заявляли о том, что они и такие, как они, никогда, ни при каких условиях не смогут приспособиться к новым экономическим и социальным реалиям жизни. В 1997 г. таких было 42%. Сегодня с уверенностью можно констатировать, что рыночная экономика для подавляющего числа наших сограждан – это обыденность, часть повседневной жизни, а не нечто экстраординарное, требующее какой-то особой «адаптации». Хотя нельзя не признавать и того, что из всей совокупности либеральных ценностей и идеалов российское общество с энтузиазмом восприняло в основном идею консюмеризма (см. рис. 2).

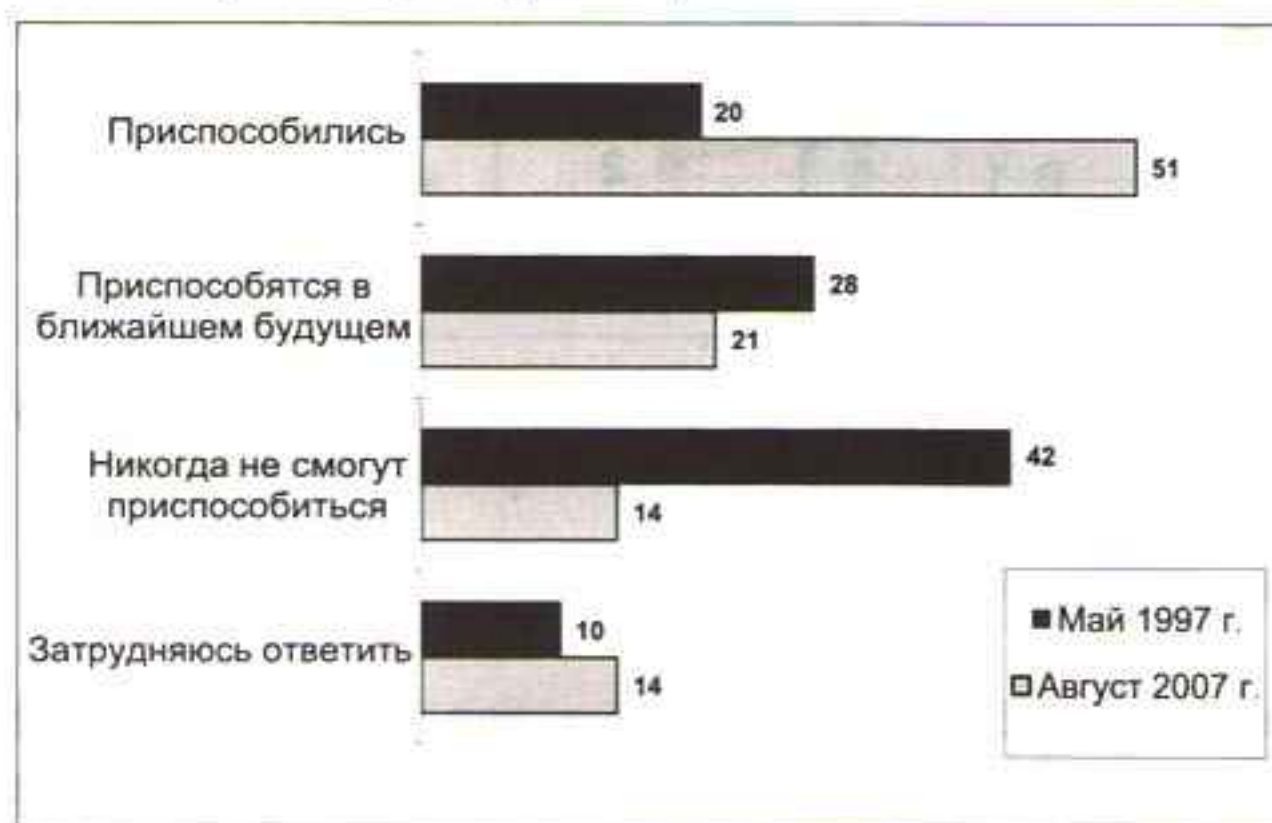

Рис. 2. Динамика оценок степени адаптации россиян к переменам 1990-х годов (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Источник: Мониторинговые исследования ВЦИОМ.

Основываясь на этом, И. Дискин делал вывод, что на обломках бывшего Союза появилась «новая Россия». «Ушла в прошлое традиционалистская Россия со слепым подчинением авторитетам и государственным идеологиям. Впервые в истории появились массовые слои, ориентирующиеся на индивидуальный выбор и личную ответственность. Для них высокое значение имеют ценности суверенитета личной и партикулярной жизни, которые они стремятся защищать от любой экспансии государства» [Дискин 2007, с. 224]. Причем происходит это, по мнению писателя Д. Быкова, весьма своеобразным образом, через достижение негласного

договора с властью о ненападении, являющегося одним из способов самозащиты общества, когда культура, наука, интеллект нации, развиваясь и усложняясь, неизбежно входят в противоречие с косной, неизменной политической системой. Она может быть light, soft, но по сути не меняется. Поскольку очередного катаклизма Россия может попросту не потянуть – нация сама отрегулировала и предписала себе половинчатое, летаргическое состояние, которое является единственной гарантией от социального взрыва [Быков 2009].

Это спорная мысль, но здесь верно схвачено то, что российская апатия и некоторая отстраненность большей части населения от происходящих в стране процессов – очень сложный, многослойный феномен, вызванный отнюдь не вековой рабской зависимостью народа от властей. Впрочем, на этот счет, как уже отмечалось, есть и прямо противоположное мнение.

Споры о «двух Россиях», условно говоря, «модернистской» и «традиционалистской», будут продолжаться еще очень долго, поскольку каждый спорящий легко обнаружит в окружающей социальной реальности достаточно большой объем эмпирической информации, подтверждающей его точку зрения. Если обратиться к исследованиям, то они свидетельствуют о том, что большинство населения продолжает существовать в рамках традиционной модели жизнеустройства, но одновременно появляются островки современности, прежде всего в мегаполисах и некоторых крупных городах. Причем в данном случае речь идет не столько об успешных и неуспешных группах и слоях населения, сколько о наличии в современной России двух субкультур, отличающихся разными представлениями о желаемых жизненных целях и приоритетах. Одна характеризуется высоким уровнем жизненных притязаний, «достижительными» стратегиями, в основе которых лежит устойчивая убежденность в том, что достигнуть тех или иных жизненных целей можно, только опираясь на собственные силы. Заметно больше тех, кто избегает труднореализуемых целей путем снижения планки жизненных притязаний, т. е., по сути, выбирает «стратегию избегания». Соотношение этих групп – примерно 1 к 3.

Но здесь принципиально важно другое. Летом 2008 г. все исследовательские центры фиксировали пик оптимистических ожиданий за все последние годы наблюдений. Большинство россиян, причем как те, кто сумел преуспеть в жизни, так и те, кому это не удалось, поверили, что Россия – успешная страна, что политическая стабильность и экономический рост – это всерьез и надолго. Даже у многих специалистов складывалось впечатление, что к концу правления В. Путина Россия вступила в новую «постпереходную» фазу. Постепенно стал формироваться новый запрос, теперь уже мало отличающийся от запроса граждан любой европейской страны – на новое качество жизни, на нахождение новых возможностей соединения жизненной энергии, направленной на личностную самореализацию (так называемого «человеческого капитала»), с формированием в обществе ценностей доверия, ответственности и морального возрождения. Этот запрос носил долгосрочный характер.

Кризис, но не катастрофа

И именно в этот момент грянул кризис. Естественно, общество не могло остаться к этому безучастным. Поначалу россияне были настроены благодушно. В сентябре

2008 г. 41% опрошенных оценивали экономическую и политическую ситуацию в стране в целом как нормальную (в конце 1990-х годов таковой ее считали лишь 5%), 43% – как кризисную и только 6% – как катастрофическую. Однако уже в ноябре настроения резко поменялись: в два раза уменьшилось число тех, кто оценивал ситуацию как благополучную, и, напротив, с 43 до 64% выросло число оценивающих ее как проблемную, кризисную. К марту же 2009 г. оптимизм россиян окончательно улетучился – лишь 13% (откат к восприятию ситуации 2000 г.) полагали, что в России дела идут хорошо, тогда как 67% считали, что плохо, а 14% – что и вовсе катастрофически (см. рис. 3).

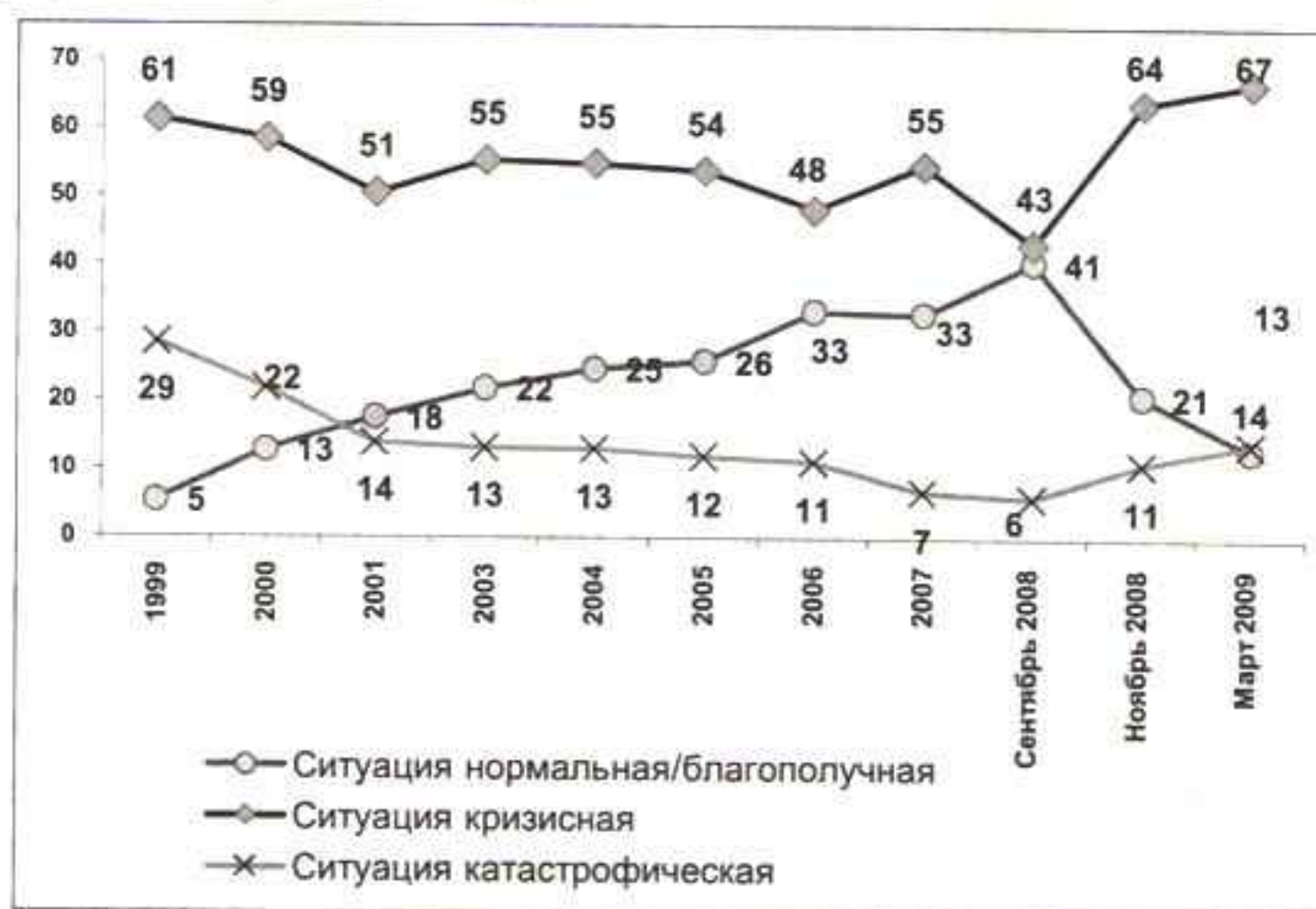

Рис. 3. Динамика оценок респондентами текущей ситуации в стране (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Источник: Мониторинговые исследования ИС РАН.

Также пошли вниз основные индикаторы социального самочувствия населения (адаптированность к переменам, уровень материального положения, самооценка перспектив на будущее). Это относится и к такому комплексному показателю социального самочувствия, как удовлетворенность жизнью.

Ю. Левада в этой связи совершенно справедливо отмечал, что при работе с показателями общественных настроений важно видеть присутствие по меньшей мере двух составляющих: запросы и их удовлетворение. Например, динамика позитивных оценок социальных настроений может свидетельствовать как о насыщении существующих запросов, так и об их уменьшении, а иногда о том и о другом одновременно [Левада 2006, с. 55]. И наоборот, недовольство может развиваться на фоне благополучной ситуации не потому, что граждане испытывают какой-то социальный стресс, а потому, что не реализуются их опережающие ожидания и нет уверенности, что они реализуются в будущем. Обществу необходима пусть небольшая, но постоянная позитивная динамика, поддерживающая социальный оптимизм и надежду на лучшие времена. Вплоть до осени 2008 г. так оно и было.

К весне 2009 г. этих надежд заметно поубавилось, а значит, миф об успешной стране, где уже очень скоро если не все, то большинство населения будет жить так же, как в ведущих странах Европы, начинает рассеиваться.

В то же время исследования показывают, что нынешнее поколение россиян реагирует на кризис гораздо спокойнее, чем 10 лет назад на «дефолт». То, что происходит сегодня в России, по мнению большинства россиян, – это именно кризис, а не катастрофа, причем связанный во многом с внешними факторами. Международный финансовый кризис в марте 2009 г. был назван почти каждым вторым опрошенным (46%) первопричиной экономических неурядиц в России. Десять лет назад, в 1998 г., так считали лишь 7%. Тогда главный виновник дефолта находился внутри страны. И это было правительство В. Черномырдина и С. Кириенко (71%). Сегодня же людей, склонных обвинять правительство В. Путина в ухудшении ситуации в стране, заметно меньше (28%).

Следует также учитывать, что дефолту 1998 г. предшествовали семь лет реформ, которые негативно отразились на уровне и качестве жизни подавляющего большинства населения страны. К осени 1998 г. 65% опрошенных чувствовали себя проигравшими в ходе этих реформ. Сегодня совершенно иная ситуация – доля таких сократилась более чем в два раза (с 65 до 29%), а сохранивших статус-кво и выигравших – увеличилась за последние десять лет с 25 до 40% (см. рис. 4).

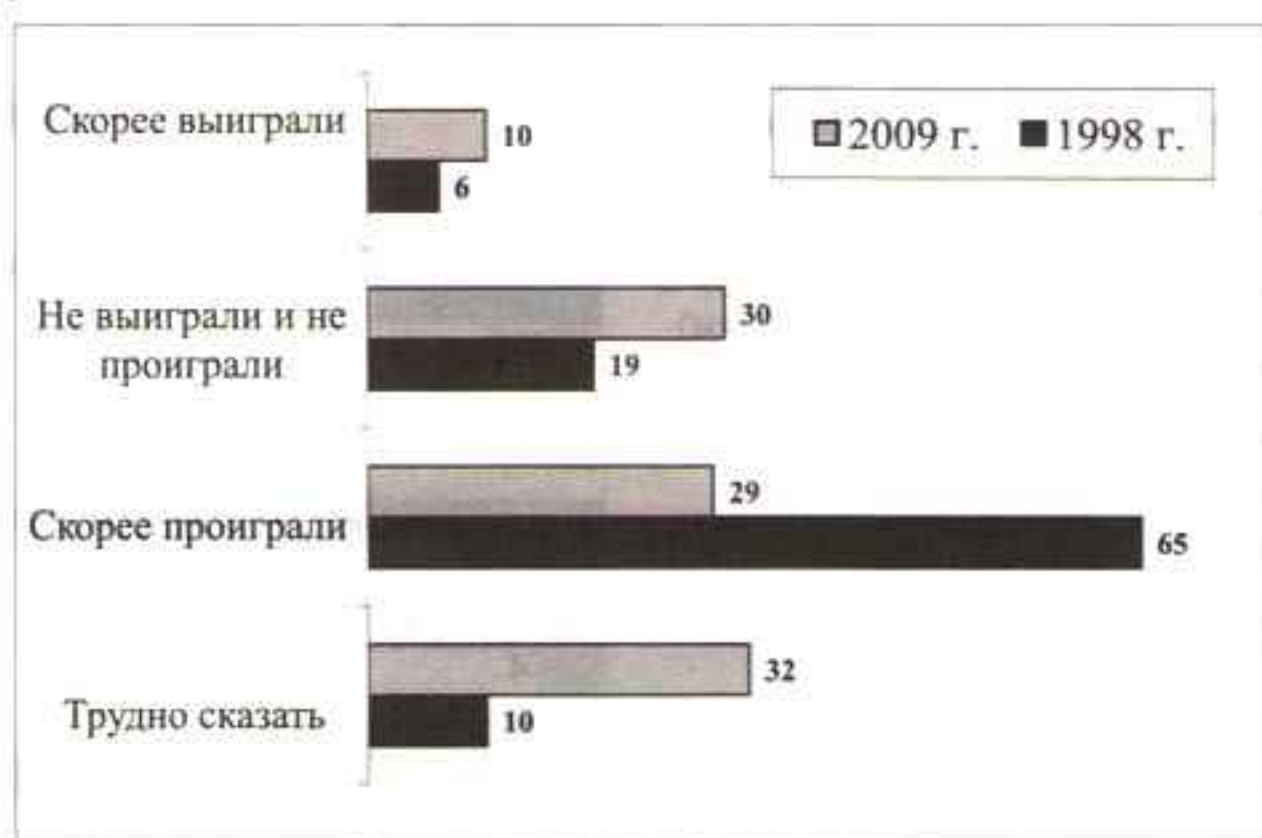

Рис. 4. Соотношение выигравших или проигравших от проводимых в 1992 г. реформ (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Источник: Исследование ИС РАН «Российская повседневность в социологическом измерении» 2009 г.

Причем исследования пока не подтверждают широко распространенного в экспертных кругах мнения, что главной жертвой кризиса стали средние слои, так называемый «офисный планктон». В действительности среди слоев, наиболее затронутых кризисом, – граждане старших возрастных групп, а также те группы, которые и до кризиса жили бедно. В тяжелом положении оказались многие жители средних городов с населением от 100 до 500 тыс. человек, где рынок труда ограничен. Меньше всего пострадали от кризиса государственные служащие, военнослужащие, работники правоохранительных органов, получающие гарантиро-

ванную заработную плату. Но даже сильно пострадавшие от кризиса слои населения пока предпочитают выжидать, ограничивая свои расходы и стараясь найти дополнительные приработки, в расчете на то, что кризис все-таки рано или поздно кончится. Десять лет назад, в 1998–1999 гг., «свет в конце туннеля», в отличие от современной ситуации, прослеживался гораздо слабее.

В настоящее время россияне не рассматривают всерьез катастрофические сценарии развития событий. По сравнению с 1998 г. на периферию общественных ожиданий ушла перспектива гражданской войны. В нее верят лишь 10% россиян (в 1998 г. – 31%). Еще меньше – в угрозу переворота и установления диктатуры, в выход из состава России некоторых национальных республик и регионов, в приход к власти оппозиции в результате «обрушения» нынешней власти. Не слишком вероятными представляются также отставка нынешнего руководства страны и досрочные парламентские и президентские выборы. Единственным возможным дестабилизирующим фактором россияне считают массовые акции протеста, вероятность которых не исключают 31% (в 1998 г. эта цифра составляла 41%) (см. рис. 5).

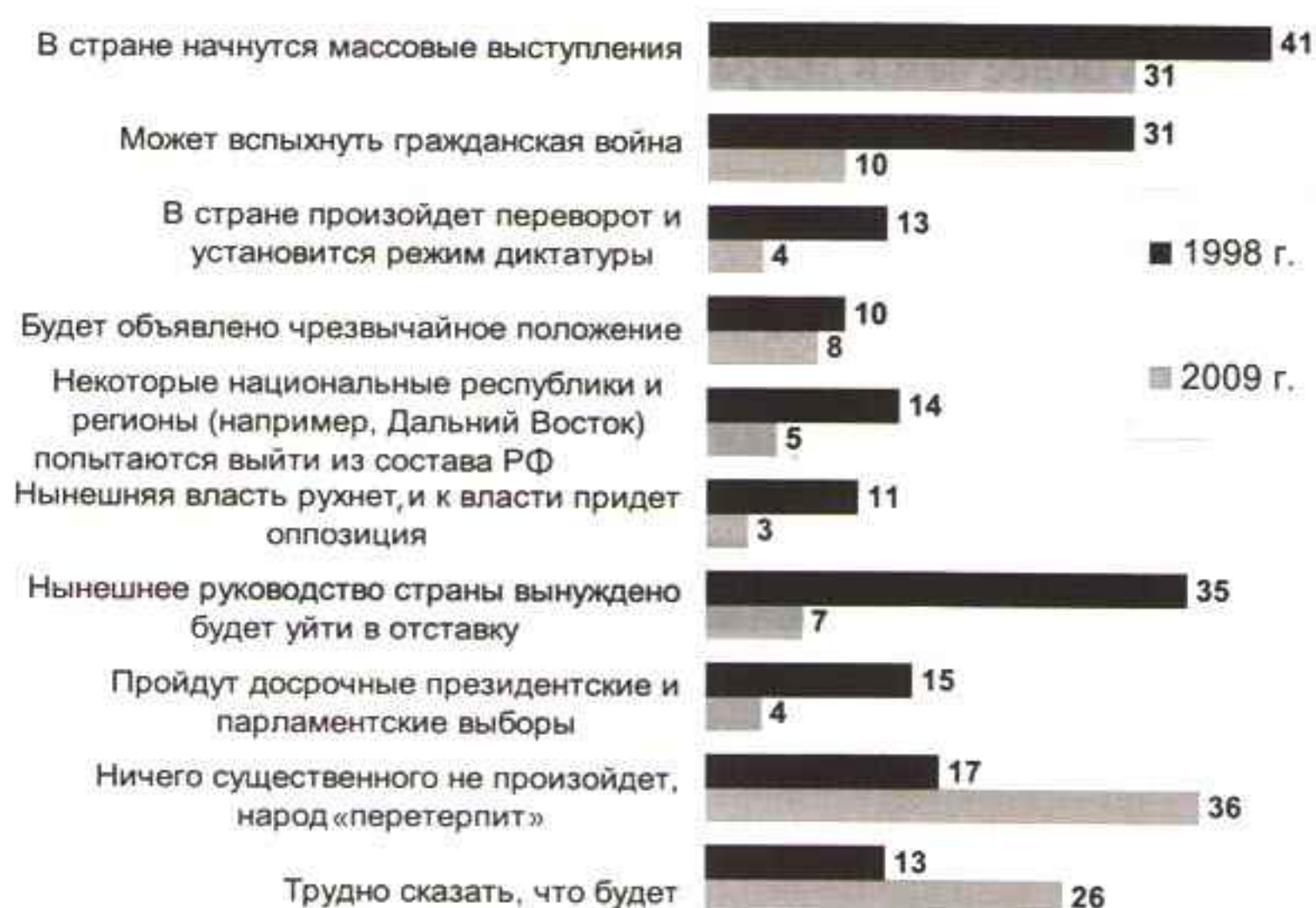

Рис. 5. Возможные последствия финансово-экономического кризиса в 1998 г. и 2009 г. (закрытый вопрос, не более трех вариантов ответа), %

Источник: Исследование ИС РАН «Российская повседневность в социологическом измерении» 2009 г.

Таким образом, социально-политическая стабильность, сохраняющаяся в стране и в условиях кризиса, во многом связана с уверенностью значительной части населения в том, что властям, и прежде всего Д. Медведеву и В. Путину, удастся справиться с трудностями. Более того, кризис в каком-то смысле сыграл им на руку, сбив «возгонку» потребительских ожиданий, нарастающий вал социальных требований.

Однако сегодня никто не знает, как долго продлится кризис и какова будет его глубина. Не следует также забывать, что многие проблемы, обострившиеся в последнее время, не являются следствием кризиса 2008–2009 гг., а накапливались годами, если не десятилетиями. Особенно в социальной сфере, инфраструктура которой все последние годы медленно, но неуклонно разрушалась. В первую очередь это относится к медицинским и образовательным услугам, которые в настоящее время либо откровенно низкого качества, либо недоступны даже для людей со средним достатком. Скажем, в Москве и некоторых других городах даже за хорошие деньги крайне сложно получить хорошее лечение и уход за пожилым человеком или устроить ребенка в детский сад. Практически повсеместно наблюдается дефицит школ раннего развития, бассейнов, спортивных площадок и т. д.

О ситуации с жильем и говорить нечего. Она близка к абсурду, когда, казалось бы, вполне благополучные люди, которые много работают и неплохо зарабатывают, тем не менее оказываются не в состоянии решить эту проблему. Бум потребительского кредитования, хаотичное приобретательство чего ни попадя в докризисные времена являлись оборотной стороной сложностей с «инвестициями в будущее» для многих наших сограждан.

Одно из следствий этого – кризис доверия, главным симптомом которого является стремление «жить сегодняшним днем», не строя планов на будущее. Еще задолго до кризиса «нулевых» к традиционно беспокоящим россиян проблемам (рост цен, жилье, преступность) прибавилась безработица. Обеспокоенность многих наших сограждан проблемой, которая, казалось бы, их лично не затрагивает, связана не столько с отсутствием работы, сколько с боязнью ее потерять или не найти, если речь идет о молодежи. С осени 2008 г. эти настроения резко усилились.

Таким образом, наслаивание старых, нерешенных проблем, на проблемы, порожденные самим кризисом, в обозримой перспективе, безусловно, будет порождать недовольство. Среднее и старшее поколение устало от бесконечной борьбы за выживание. А молодежь, напротив, не имеет навыков кризисной адаптации. Но и те и другие тратят массу жизненной энергии на поддержание более или менее сносных жизненных условий для себя и своих семей, часто просто не зная, каким образом конвертировать знания, опыт, навыки, приверженность моральным ценностям в материальный достаток и карьерный рост. В том числе и потому, что в сознание современного поколения россиян ввелся стереотип, согласно которому жизненный успех и приверженность моральным нормам и принципам в нашей стране – вещи несовместимые.

Отсюда крайне болезненная реакция на существующее в обществе чрезмерное социальное расслоение. Пропасть между богатыми и бедными беспокоит сегодня практически все слои российского общества, в том числе и «новый средний класс», которому поддержание более-менее приемлемого уровня жизни дается с большим трудом. На вопрос о том, «между какими группами населения в современной России существуют наиболее острые противоречия?», почти каждый второй опрошенный (47%) назвал противоречие между богатыми и бедными.

Однако было бы неправильным сводить данное противоречие лишь к материально-имущественной стороне дела, как проявление зависти и неприязни к богатым, более успешным согражданам. Также пока нет никаких симптомов,

свидетельствующих о трансформации данного противоречия в острый классовый конфликт. Во всяком случае, конфликтность в отношениях между собственниками предприятий и наемными работниками восприняли как противоречие первого плана лишь 19% опрошенных. Россияне, судя по всему, постепенно привыкают к отношениям, связанным с частной собственностью, работой на частных предприятиях, новым поколением подобная ситуация воспринимается как все более естественная.

Называя же противоречие между богатыми и бедными в качестве определяющего, россияне, возможно, интуитивно, но очень четко фиксируют новые линии социального противостояния – раскола между культурой и образом жизни «социальных верхов» и культурой массовой, «срединной». Социальные верхи сегодня в восприятии общества – это симбиоз крупного российского бизнеса и статусного чиновничества, которые настолько срослись, что представляют собой «архипелаг Рублевок», т. е. совершенно закрытый, оторванный от национальной почвы анклав постсоветской элиты, тем не менее, определяющий настоящее и будущее страны. Не случайно в перечне актуальных общественных противоречий вторую и третью позиции занимают противоречия между чиновничеством и гражданами; между властью и народом, которые постепенно вытесняют из массового сознания даже неприязнь к олигархам (см. рис. 6.).

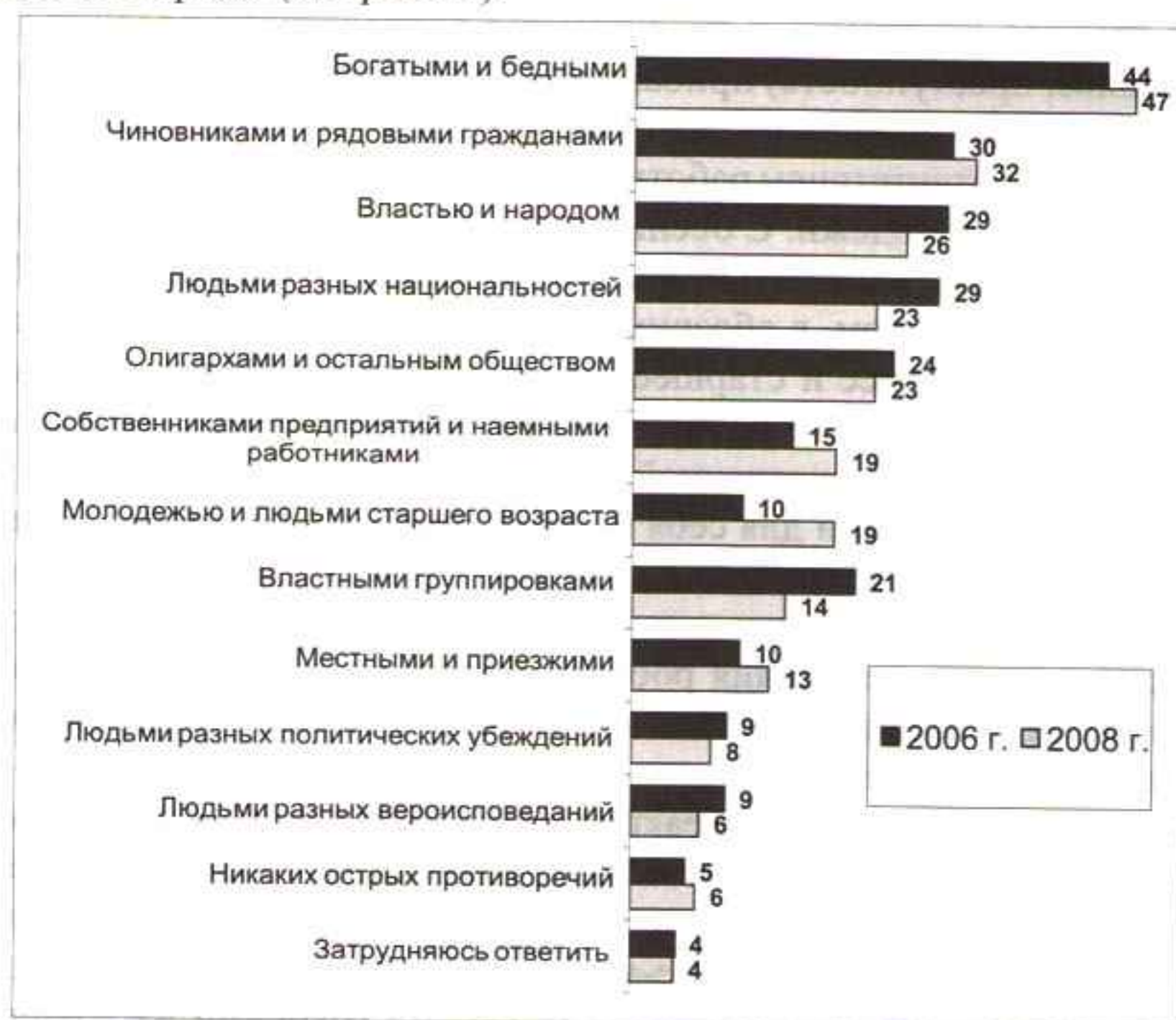

Рис. 6. Отношение россиян к существующим в обществе противоречиям между различными группами и слоями (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Несколько неожиданно «подскочил» показатель остроты противоречий между молодежью и людьми старшего возраста. Возможно, это связано с тем, что социальная и имущественная дифференциация в России приобрела в последние годы ярко выраженные поколенческие черты. Все опросы показывают, что чем старше человек в России, тем он беднее. Причем на некоторых сегментах рынка труда «молодежный шовинизм» приобрел опасные черты, когда работодателей не интересуют ни опыт, ни знания, ни квалификация работника – ничего, кроме молодого задора и умения безропотно подчиняться.

Обращает на себя внимание и то, что крайне волнующая всех еще год назад проблема преемственности власти и возможного на «переходном этапе» раскола элит сегодня отошла на задний план. Во всяком случае, доля россиян, которые противоречие между властными группировками называли в числе определяющего фактора, сократилась с 21 до 14%. Характерно и то, что эта проблема если кого сегодня и волнует, то в основном жителей двух столиц и заметно реже – российскую глубинку.

И наконец, явно угасающий характер носит противоречие, связанное с различными политическими убеждениями, обусловленное в первую очередь тем, что россияне, пережившие идейно-политический раскол 1990-х, сегодня гораздо меньше интересуются политикой. Между тем на протяжении последних лет главное внимание российских властей было сконцентрировано на проблемах преемственности власти, сохранения политической стабильности в период парламентских и президентских выборов, противодействия возможным сценариям политической дестабилизации. Эти задачи были успешно решены. Однако новые вызовы для страны появились совсем не оттуда, откуда их ждали. Трудности, с которыми столкнулась страна и ее граждане, отчетливо показали, что стабильности если что-то и угрожает, так это – косность сложившейся системы, отсутствие обратной связи с обществом.

Выход из кризиса: развитие демократия и формирование общества «равных возможностей»

В этих условиях задача реконструкции гражданского общества становится все более насущной – причем реконструкции в широком смысле, включая трансформацию политических и социальных институтов, а также системы ценностей и установок. Начать следует с нахождения точек соприкосновения элиты и общества в интерпретации феномена демократии, ее ключевых характеристик. Значительная часть российской элиты по-прежнему настаивает на приоритетности таких ее слабых, как многопартийность, политическая конкуренция, свобода печати, защита прав собственности. Это тот минимум, который, по мнению Е. Ясина, будет способствовать тому, что демократия, пусть не сразу, но со временем станет органическим свойством российского государства [Ясин 2005, с. 336]. То есть речь идет о развитии ее классической модели, локализованной главным образом сферой политики и выборных процедур.

У наших сограждан, однако, более широкий взгляд на желаемую модель демократии. Это прежде всего работающая система, которая ориентирована на идею

общего блага и эффективность которой определяется степенью влияния демократических институтов на политику властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, масштабами коррупции, реальным обеспечением личных и коллективных прав и свобод граждан и т. д. Отсюда, судя по исследованиям, главная претензия к реализованной на практике модели – неспособность обеспечить, во-первых, законность и правопорядок и, во-вторых, реализацию социально экономических прав граждан.

Впрочем, инструментальные возможности демократии подвергаются сомнению отнюдь не только в России. Недавно проведенный в Германии опрос общественного мнения показал, что 45% немцев недовольны тем, как в их стране функционируют демократические институты. А на востоке Германии, среди жителей бывшей ГДР, их еще больше – 58% [Немцы разочаровались... 2009]. Это примерно столько же, сколько и в России (55%).

Другое исследование, проведенное в Европе летом 2005 г., выявило еще одну важную закономерность. В странах, где граждане на протяжении многих лет пользовались плодами социального государства (Голландия, Дания, Финляндия, Швейцария, Швеция), был выявлен наибольший процент тех, кто знает, как, каким образом можно оказывать влияние на политическую жизнь в стране, на деятельность властей (от 52 до 67%). Это одна из причин, почему, несмотря на кризис и критику неоконсерваторов, в большинстве стран Западной Европы никто не спешит отказываться от социальных завоеваний 1960–1970-х годов.

В России же в 1990-е годы демонтаж советской системы начался и в основном ограничился свертыванием именно социальных основ предшествующего строя. Любые разговоры о том, что помимо политических прав и свобод есть еще и социальные, трактовались, особенно на начальном этапе реформ, как чуть ли не призыв к возврату в «тоталитарное прошлое», к модели «социалистической демократии», базирующейся на этатизме и патернализме. Между тем именно «демократия на каждый день» крайне необходима обыкновенному человеку.

Речь идет о существующей в обществе потребности в справедливых, «прозрачных» правилах игры, которые позволяют честно работать и честно зарабатывать, в беспристрастных судах, обеспечивающих защиту от любого произвола, в милиции, которая берегла бы имущество и покой граждан, в социальных службах, которые поддерживали бы социальную инфраструктуру (ЖКХ, дороги, школы, больницы, детские сады) в надлежащем виде. Ничего этого, как правило, нет, хотя с приходом к власти В. Путина и его команды ситуация начала меняться.

Кроме того, и это является принципиально важным, «будничная демократия», или, как некоторые ее презрительно называют, «колбасная», неизбежно рано или поздно востребует механизмы политической демократии. Очень образно по этому поводу высказался А. Колесников: «захочешь есть – потребуешь избирательную урну». По его мнению, после двадцатилетнего перерыва российский народ во второй раз «дозрел» до демократии, поскольку у многих вновь появился вкус к живым и работающим институтам [Колесников 2009]. Так, например, по данным «Левада-центра» (июнь 2009 г.), большинство россиян вновь высказываются за возвращение прямых выборов губернаторов и депутатов Государственной Думы по одномандатным округам. До кризиса этого не наблюдалось.

Тот факт, что сегодня на передний план выходят ценности законности, реализации социально-экономических прав граждан, вовсе не означает, что желаемая модель демократии исключительно материалистична и в ней нет места ценностям свободы. На самом деле большинство россиян считают, что свобода – это важнейшая смыслообразующая ценность, без которой трудно себе представить полноценную жизнь. Другое дело, что современная Россия – это классическое «общество риска», где появившиеся возможности для самореализации активных групп населения причудливым образом сочетаются со страхом, несправедливостью, являющимися в каком-то смысле оборотной стороной обретенной свободы, возможности жить в соответствии с собственными представлениями. Отсюда и спайка в сознании многих россиян идей свободы, безопасности и материального достатка в надежде на такой социальный порядок, который бы обеспечивал и то, и другое, и третье. Как справедливо отмечает Ю. Красин, нашей стране «нужна не радикально-элитарная, а демократическая модель либерализации, ограничивающая рост социального неравенства и устраняющая такие его формы, которые воспринимаются обществом как несправедливые. Либеральному принципу частной инициативы и предприимчивости необходим противовес – коммунитарный принцип общего блага, социальной справедливости и общественной солидарности» [Красин 2007, с. 262].

Между тем, несмотря на возросшие экономические возможности государства, никто в России, в том числе и президент, всерьез не ставил вопрос о формировании «общества равных возможностей» как о цели посткоммунистической трансформации России. Эта цель в условиях мирового кризиса капитализма, причем не только экономического, но и мировоззренческого, могла бы подтолкнуть общество и элиты к формированию новой «повестки дня» для России в XXI в. Концепт «общества равных возможностей», или российский аналог «государства всеобщего благосостояния», и соответствующая ему практика актуальны для России еще и потому, что позволят преодолеть не только последствия «командного социализма», но и «дикого капитализма» 1990-х годов, хотя бы в какой-то степени легитимировать базовые принципы рыночной экономики. Ведь ни для кого не секрет (и это подтверждают все опросы), что сложившаяся в России экономическая система воспринимается значительной частью населения как чуждая и глубоко несправедливая. Критические аргументы, согласно которым существующее в ряде стран Западной Европы «государство всеобщего благосостояния» усиливает иждивенческие патерналистские настроения в обществе, вряд ли применимы к современной России. Возможно, лет через 30–40, когда уровень доходов и социальной защиты населения приблизится к европейским образцам, можно будет всерьез начать разговор об издержках «социального государства».

Для практической реализации данной идеи крайне важным представляется, во-первых, признание фактора многообразия России, многоукладности, многосоставности ее социальной структуры и, во-вторых, не декларативное, а реальное обеспечение гражданам свободы выбора, когда индивиды, имеющие разный социальный опыт, разную систему ценностей, разные жизненные стратегии, могли бы сами выбирать сферу и способы приложения своих усилий.

Любопытную модель подобной свободы, адекватную условиям современной России, а главное, представлениям многих наших сограждан о собственных

возможностях при активном участии государства, предложил А. Рябов. «Хотите работать в наиболее современных и передовых компаниях, очень много работать и много получать – государство гарантирует условия для нормального функционирования этих компаний и возможность устройства в них. Хотите быть хозяевами собственной судьбы и как можно меньше зависеть от государства, и от крупного бизнеса, и от кого-либо еще – занимайтесь собственным мелким предпринимательством, будь то мастерская по ремонту бытовой техники или частное такси. Государство и здесь позаботится о защите вашего бизнеса от произвола жадных чиновников и лихоимства гангстеров. Ну а если капитализм вам не по душе, государство подумает и том, как создать небольшое количество предприятий или сельскохозяйственных коммун, работая на которые, конечно же нужно будет забыть о сколько-нибудь высоких требованиях по отношению к существующим в обществе минимальным потребительским стандартам. Но зато некий минимум потребительских благ будет вам гарантирован, и не нужно бояться завтрашнего дня, он все равно будет похож на сегодняшний и вчерашний» [Рябов 2005, с. 26]. К этому следует добавить, что точно такой же выбор должен быть в общественно-политической сфере жизни общества.

Ведь настоящая демократия – это такая организация общественной жизни, которая позволяет каждому человеку выбирать жизненные стратегии в соответствии с собственными представлениями о том, что для него является важным – политика, семья, работа, творчество, досуг и т. д. И чем больше этих возможностей, тем шире пространство свободы и демократии. Между тем в настоящее время, даже по сравнению с 1990-ми годами, эти возможности сокращаются. Тогда существовал потенциал трудовой мобильности, прежде всего в нарождающемся и еще относительно слабо контролируемом бизнесе. По неофициальным экспертным оценкам, в эти годы почти 40% граждан страны сменили работу или профессию. Жили несравненно беднее, но проблема занятости не являлась первоочередной. Кроме того, сохранялась возможность влияния на политическую жизнь страны, как в центре, так и на местах.

С этой точки зрения, на стадии выхода из финансово-экономического кризиса одной из ключевых задач должен быть запуск затухающего механизма социальной мобильности, создание по-настоящему конкурентной среды. Сегодня почти 80% населения находятся между полюсами богатства и бедности. Причем к собственно среднему классу специалисты относят в лучшем случае 20% работающего населения России [Тихонова, Мареева 2009, с. 85]. Все остальные, а это больше половины жителей страны, представляют собой весьма специфический и пока мало изученный феномен, который можно с одинаковым успехом назвать «средним слоем», а можно – «малообеспеченным слоем». За последние годы самыми быстрыми темпами росли доходы госслужащих, работников правоохранительных органов и военных, а также менеджеров среднего звена. И лишь в самое последнее время стали «подтягиваться» представители таких массовых профессий, как врачи, учителя, преподаватели вузов. В результате мы имеем совершенно противоположную ситуацию – огромное имущественное расслоение между полюсами и одновременно отсутствие стимулирующей мобильности социальной дифференциации в рамках «срединного» большинства.

В этой связи приоритетной представляется борьба с бедностью и одновременно рост социальной дифференциации в рамках среднего слоя, с тем чтобы в его составе появились более отчетливо выраженные страты: «высшая», «средняя», «низшая» и т. д. Крайне важной также является задача реанимации в какой-то форме традиционной российской интеллигенции или «предэлитного» слоя, который не имел бы такой дистанции с основной массой населения, как нынешняя элита, и который выступал бы «культуртрейгером» в рамках все более обуржуазившейся массы средних слоев. России, для того чтобы стать по-настоящему современной страной, необходим статистически значимый слой людей, ориентированных в своих жизненных практиках на ценности самореализации, или, если использовать выражение Р. Инглхарта, на «постматериальные ценности».

Важен также «выход» демократии за рамки политической сферы и распространение ее принципов на корпоративный сектор жизнедеятельности общества. Актуальность такого выхода обусловлена прежде всего тем, что, как отмечает известный британский социолог З. Бауман, в современном мире никакая работа не может быть гарантирована, никакое положение не является прочным, никакая специальность не имеет устойчивой ценности. Права человека в их современном положении не обеспечивают права на работу, сколь бы хорошо она ни выполнялась, или права на заботу и внимание, соразмерные прошлым заслугам. Уровень жизни, общественное положение, признание полезности и права на собственное достоинство могут исчезнуть все вместе и без предупреждения [Бауман 2002, с. 107]. Это говорится о современном западном обществе, причем за несколько лет до мирового финансового кризиса. Что же говорить о России, где корпоративный сектор и рынок труда до сих пор остаются абсолютно закрытыми и непрозрачными? Миллионы людей по-прежнему зарабатывают себе на жизнь, что называется, «по-бразильски», т. е. перехватывая время от времени случайную краткосрочную работу, без каких-либо социальных гарантий, но зато с большими шансами быть уволенным по первому требованию работодателя. Вообще, страх безработицы – очень точный индикатор социально-психологического состояния общества, когда есть не только вероятность оказаться «лишним на празднике жизни», но и в любой момент, в любую минуту оказаться один на один с проблемой, справиться с которой в одиночку невозможно, а рассчитывать на чью-либо помощь не приходится. Профсоюзы все чаще «играют» на стороне работодателей или государства, а идея «производственной демократии» практического воплощения в нашей стране не получила. Не получила широкого распространения, в силу известных причин, и «демократия соучастия», когда акционерами крупных компаний становятся миллионы простых людей.

Отношение же «капитанов» крупного российского бизнеса к демократии как было, так и остается весьма утилитарным. «Продвинутые», «широко мыслящие», «либерально ориентированные» руководители крупных компаний – безусловные демократы, когда речь идет о необходимости освобождения своего бизнеса от попыток опеки и вмешательства со стороны властей, но они создают откровенно авторитарную систему отношений в своих компаниях, не допуская, например, деятельности в них профсоюзных организаций. Присущий многим представителям нового среднего класса конформизм обусловлен корпоративной культурой, культивируемой многими руководителями российских компаний и предприятий,

где главное достоинство работника – молодость и беспрекословное подчинение начальству. Не случайно в последнее время все более широкое распространение получает точка зрения, согласно которой российская версия капитализма, ориентированная не на труд, а на безудержное потребление, является главной причиной мировоззренческого, морального кризиса, поразившего прежде всего активную, молодую, дееспособную часть населения.

В действительности все, конечно, несколько сложнее. Тем не менее фактом является то, что новое поколение, вопреки надеждам многих либерально мыслящих аналитиков, так и не смогло стать активным субъектом общественно-политической жизни, сформировать свои собственные ценностные приоритеты. И это не случайно, учитывая, что поколение новых российских буржуа, «просто средний класс» – это еще не устоявшееся образование, своеобразный «перекресток» мобильностей, когда значительные слои населения то повышают, то понижают свой жизненный уровень и социальный статус. С этой точки зрения крайне наивным выглядит мнение о «среднем классе» как оплоте стабильности. Безусловно, «средний» россиянин сегодня по своим установкам ориентирован на спокойный потребительский образ жизни, достаток и комфорт. Он аполитичен и требует от власти в первую очередь того, чтобы она к нему «не приставала». Однако опыт его формирования в переходных обществах много раз демонстрировал, что в кризисных ситуациях именно средние слои выступали «застрельщиками» радикальных форм выражения своего недовольства. Особенно тогда, когда крупный бизнес и государство свои собственные проблемы стремятся переложить на мелкий и средний бизнес.

Преодоление политической апатии населения

Обычно сглаживанию противоречий между экспансионизмом, в том числе и политическим, крупного бизнеса и основной массой населения призваны служить демократические институты, вынуждающие элиты считаться с мнением большинства. Между тем нынешняя политическая элита, овладевшая к тому же всеми механизмами массовой (включая электоральную) поддержки, относится к «живому творчеству масс» примерно так же, как и крупный бизнес, рассматривая его в лучшем случае в качестве массовой. Общество, в свою очередь, отвечает падением интереса к тому, что происходит за пределами непосредственной среды обитания. Это особенно наглядно видно по тому, как реагируют россияне на кризисные явления.

Так, за последние десять лет несколько сократилось число тех, кто готов в форс-мажорных обстоятельствах, что называется, идти на «баррикады», в том числе отстаивать свои интересы с оружием в руках (с 9% в 1999 г. до 2% в 2009 г.). Сначала вырос, а затем снизился уровень готовности протестовать в рамках легальных возможностей (с 4% в 1999 г. до 11% в 2008 г. и снова до 6% в 2009 г.). Выйти на улицу, как и следовало ожидать, чаще других готовы пожилые и плохо обеспеченные россияне. Но самое главное изменение – заметный рост «пофигистских» настроений, нежелание что-либо предпринимать и прежде всего искать дополнительные источники заработка. Если в 1999 г. почти каждый второй опрошенный был готов к этому, то сегодня – чуть больше трети. С 3 до 18% выросло число тех,

кто прямо говорит, что ничего делать не будет, даже если настанут трудные времена. А еще около четверти предпочитают об этом вообще не думать (см. рис. 7).

Рис. 7. Формы возможного реагирования россиян на ухудшение экономической и социальной ситуации в стране, условий жизни (закрытый вопрос, один вариант ответа), %

Источник: Мониторинговые исследования ИКСИ (ИС) РАН.

По всей видимости, это связано с тем, что многие просто еще не верят, что трудные времена действительно настанут. Возможно, кто-то уже создал свой собственный «стабилизационный» фонд и не видит лично для себя серьезных угроз. Однако большинство отчетливо понимают, что если сегодня рассчитывать на нахождение дополнительных источников заработка весьма непросто, то в условиях массовой безработицы найти работу будет еще сложнее.

Не очень-то верят россияне, судя по имеющимся данным, в протестные формы отстаивания собственных интересов. Если поначалу исследования фиксировали определенный «разогрев» протестных настроений в обществе, то к весне 2009 г. доля тех, кто готов выйти на улицу в случае заметного ухудшения своей жизни, вернулась к показателям двухлетней давности (5–6%). Между тем протестное участие позволяет «высветить» реакцию властей на те или иные проблемы, их готовность прислушиваться к общественному мнению. Например, сегодня уже совершенно очевидно, что если бы не было массовых выступлений против 122-го Закона («Монетизации льгот») зимой 2005 г., то, возможно, власть не обратила

бы внимания на накопившиеся в социальной сфере проблемы и не предложила пользующиеся общественной поддержкой «национальные проекты» в сфере образования, здравоохранения и т. д. Впрочем, подобного рода выступления носят эпизодический характер, к тому же практически отсутствуют выступления солидаристского типа. Каждая группа «бьется» за себя и свои интересы в одиночку. Ведь уже упоминавшиеся выступления пенсионеров 2005 г. какого-то особого сочувствия и поддержки у поколения их детей и внуков не нашли.

Именно поэтому многие специалисты полагают, что реакция большинства россиян на кризис будет иной. Не рост протестных выступлений, а еще большее замыкание в частной жизни, поиск ниш, где можно как-то переждать, пережить трудные времена. За последнее десятилетие сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от властей и готово действовать, что называется, на свой страх и риск. Имеет место такая индивидуализация массовых установок, в условиях которой говорить о каких бы то ни было солидарных, совместных действиях, а также об осознании общности групповых интересов, не приходится. Это, безусловно, находит свое отражение и в политической жизни страны, чего нельзя сказать, например, о тех же США, где индивидуальная самореализация вполне органично сочетается с широким размахом общественной самодеятельности, разного рода общественных инициатив, волонтерства и т. д.

Не случайно, адекватно на первый взгляд реагируя на сигналы внешней среды, многие россияне оказались в очень сложном положении, поскольку «политическая демобилизация» и формирование своеобразной культуры неучастия оставили многих из них один на один с государством, с одной стороны, и с многообразием проблем, с которыми люди повседневно сталкиваются, – с другой.

Заметно падает и интерес значительной части населения к общественной и политической жизни страны, востребованность легальных форм политического участия. Самое опасное здесь – это падение интереса к выборным механизмам легитимации власти. Выборы, особенно парламентские и местные, начинают восприниматься, прежде всего молодежью, как формальность, если и нужная, то главным образом для того, чтобы не допустить безвластия и хаоса. Кого и как при этом выбирают, особого значения не имеет. В обществе есть также значительная доля граждан, которые в принципе отвергают легитимацию власти через выборные процедуры. Именно неучастие, а не протестное голосование, становится все в большей степени самым распространенным средством выражения политического недовольства граждан.

Конформизм, неучастие – это одна из возможных форм реакции на окружающую реальность, но отнюдь не единственная. В обществе есть группы и слои, хотя и немногочисленные, напротив, склонные к активному действию, часто радикальному. Только за последний год в стране было совершено несколько громких преступлений на почве национальной, религиозной и политической неприязни, получивших широкую огласку и острую реакцию общественности. Причем экстремистские выходки имели место и в относительно благополучные годы, и сейчас – в условиях кризиса. Это говорит о том, что радикализм и экстремизм начинают определяться факторами, традиционно присущими любому капиталистическому обществу. Прежде всего неравенством экономического распределения, когда люди

винят в своих социальных несчастьях богачей, инородцев и т. д. Сказывается и отсутствие устоявшейся системы ценностей, когда крайне сложно провести демаркацию между действительным стремлением людей, скажем, к свободе, равенству, национальному или религиозному возрождению – и экстремизмом.

Причем главная опасность сегодня исходит от стихийного, немотивированного и практически никак идеологически не окрашенного экстремизма людей, доведенных до отчаяния, как это было в Кондопоге. Эти события отчетливо продемонстрировали, что в России возможны стихийные бунты, особенно когда социальное недовольство трансформируется в межнациональную рознь. Причем последние исследования показывают, что зоной повышенной национальной напряженности оказываются прежде всего мегаполисы и крупные индустриальные центры, а отнюдь не небольшие провинциальные города. Это говорит о том, что стихийные выступления будут происходить не там, где уровень недовольства выше, а там, где мало или совсем нет возможностей его канализировать в законные легитимные формы, что называется «докричаться до властей».

В этих условиях принципиально важным становится нахождение новых стимулов и форм гражданской самоорганизации, «перезагрузка» соответствующей инфраструктуры (партийной системы, системы местного самоуправления, социального партнерства, профсоюзов, локальных сообществ). Для этого необходимо, с одной стороны, «разморозить» общественную и политическую жизнь, прекратить попытки искусственного «строительства» гражданского общества – аналогично тому, как еще недавно российские законодатели и политики строили партийную систему. Для всех уже очевидна бессмысленность и бесперспективность избыточной регламентации деятельности партий, когда судьба выборов зависит не столько от избирателей, сколько от судей и адвокатов. В еще большей степени это относится к структурам гражданского общества, многие из которых, в случае усиления контроля за их деятельностью, просто уйдут в тень. А для некоторых, прежде всего молодежных, организаций легальный статус, признание официальных властей, доступ к СМИ в условиях постоянно действующего «майदानа» в Интернете не так уж важны.

С другой стороны, нужен поиск и экспериментирование с какими-то иными формами политической самоорганизации, более гибкими и мобильными, чем те, которые сложились в настоящее время. Например, формирование «общественно-партийных холдингов», которые могли бы интегрировать самые разные образования, как политические, так и неполитические, начиная от дискуссионных клубов, аналитических структур, общественных объединений самого широкого спектра и заканчивая партийными альянсами. Важно также шире развивать институт волонтерства, с тем чтобы у активной части населения, особенно у молодежи, был стимул для партийной карьеры, а затем, возможно, и карьеры публично-политической, административно-политической. Пока же для российской молодежи работа в органах государственной власти выглядит гораздо привлекательнее, чем участие в деятельности какой-либо политической партии или молодежно-политической организации.

В этом плане интересен опыт Франции 40-летней давности, когда после студенческих волнений 1968-го французскому обществу удалось интегрировать даже

молодых бунтарей в легальные политические и общественные институты. Многие из них и сегодня являются известными политиками, парламентариями, бизнесменами. Примерно в это же время были заложены основы «социальной» модели демократии, которая позволила многим молодым французам найти применение своим силам.

Также важно иметь в виду, что в современном обществе политическое участие и общественная активность – это далеко не одно и то же. Очевидный спад интереса большинства граждан к политике может и должен компенсироваться разнообразными формами общественной самодеятельности. Тем более что между этими сферами, как и между политическим и общественным участием, нет жесткого «водораздела». Более того, демократизация гражданского общества должна открывать путь в политику новым субъектам, предлагающим для обсуждения новые проблемы и ценности. Они не могут и не должны заменять собою партии, но способны включить их в широкий общественный контекст, приблизить к интересам широких слоев населения.

Омертвелость партийной и профсоюзной систем, как это ни парадоксально, может принести в этом плане определенную пользу, сформировав запрос на иные, ранее невостребованные обществом, институты. Например, весной 2009 г. острее, чем обычно, проходили местные и муниципальные выборы, в ряде случаев они развивались не по заранее написанному сценарию. Не исключено, что именно «снизу» может начаться волна демократического оживления населения, вызванного в том числе и кризисом.

Имеются в виду внешне не очень заметные, но, тем не менее, идущие достаточно интенсивно процессы коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации в рамках локальных обществ. Делегируя управленческие и политические функции «наверх», многие россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных проблем, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении, но в еще большей степени – готовности к этому в будущем. Скажем, отличительной особенностью России является то, что здесь как нигде широкое распространение получили движения «одного требования». Речь идет о движении автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид, которые, с одной стороны, спонтанны, а с другой – очень организованы и эффективны.

Такие формы участия, в отличие от «большой политики», не требуют каких-то существенных затрат (временных, материальных, организационных) и поэтому востребованы прежде всего активной, дееспособной частью общества. Они представляют интерес не только потому, что позволяют решать какие-то конкретные социальные и материальные проблемы людей, но, что также немаловажно, стимулируют их к общению, создают предпосылки для формирования групповой идентичности в рамках локальных обществ с перспективой выхода на более широкие социальные и общественные институты.

Демократия участия предполагает также широкое перманентное обсуждение всех более или менее важных для общества проблем. Профессиональной политикой сегодня занимаются единицы, но обсуждать и дискутировать, чувствуя при этом приобщенность к делам страны, своего города, поселка, могут и должны мно-

гие. Известный американский философ Дж. Дьюи писал: «Демократия – это нечто большее, чем форма правления; в первую очередь это способ ассоциативной жизни, коммуникативно закрепленный общий (conjoint) опыт» [Dewey 1966, p. 87].

У нас же все последние годы происходит «свертывание» общего пространства публичной политики, дискуссий о насущных проблемах и перспективах жизни страны. Самые яркие примеры – реформа избирательного законодательства, монетизация льгот, введение ЕГЭ, которые были приняты и реализованы без учета, а то и вопреки общественному мнению, многочисленным протестам общественности. На местах же администрации сплошь и рядом не советуются не только с населением, но даже с представительными органами власти.

Наконец, задачей первостепенной важности является снятие негатива, который накопился в отношениях между крупным бизнесом и обществом. Прямое участие бизнеса в политической жизни уже доказало свою неэффективность. Но также ничего хорошего не сулит его замыкание на корпоративных, узкогрупповых интересах. Наиболее перспективным представляется переключение внимания крупного бизнеса на задачу приращения человеческого и социального капитала, существенное повышение вложений в развитие образования, науки, здравоохранения, экологии и т. д.

Таким образом, когда формальные политические институты не востребованы населением, задачей первостепенной важности становится развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан. Пока уровень реальной включенности россиян в различные сети социального взаимодействия, структуры гражданского общества невысок. Неожиданно оказавшись перед лицом новых вызовов в экономике и политике, резко выросших рисков дестабилизации, и общество, и власти пока не проявляют готовности к решительным действиям, выработке новых подходов и стратегий. Скорее присутствует ожидание того, что кризис скорее рано, чем поздно, достигнет «дна», экономика снова пойдет вверх, а надо лишь немного потерпеть, ничего не меняя по существу. Если же оптимистические оценки не оправдаются, то уже в ближайшее время может начаться серьезная переоценка тех стратегий и приоритетов, которые, казалось, вполне оправдали себя в минувшее «сытое» десятилетие. Общество подошло к такому рубежу, когда оно либо окончательно согласится с существующим порядком вещей, либо люди начнут искать пути и способы более активного влияния на окружающую их жизнь. Многие в нынешних условиях зависят от эффективных действий властей в центре и на местах. Но еще больше – от жизненной энергии, общественной, гражданской активности россиян, которые уже не раз демонстрировали поразительную способность выходить из самых трудных ситуаций.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
- Быков Д. Почему сейчас мы не удивляем мир, как раньше? // Комсомольская правда. 23 июня 2009 г.
- Дискин И.Е. Революция против свободы. Сборник. М.: Европа, 2007.

- Колесников А.* Демократия желудка // Газета.ru, 30 июня 2009 г.
- Красин Ю.А.* Демократия перед вызовами: модификация или смена парадигмы? // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Выпуск 6. М.: Институт социологии РАН, 2007.
- Кутковец Т., Клямкин И.* Нормальные люди в ненормальной стране // Вниз по вертикали. Первая четырехлетка Путина глазами либералов. М.: КоЛибри, 2005.
- Левада Ю.* Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006.
- Немцы разочаровались в демократии? // Известия. 22 мая 2009 г.
- Патрушев С.В.* Доверие, симпатия и эмпатия: российское поведение в российском социуме // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России. М.: ИСП РАН, 2006.
- Ремчуков К.* Первый год президентства Медведева оказался неудачным для власти // Независимая газета. 2 марта. 2009 г.
- Рябов А.* Формула успеха российского либерализма // Политический класс. 2005. № 2 (14).
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория реальности. М.: АЛЬФА-М, 2009.
- Федотова В.* Русская апатия как противостояние хаосу // Политический класс. 2005. № 1.
- Шкаратан О.И.* Государственная социальная политика и стратегии поведения средних слоев. Препринт. М.: ГУ ВШЭ, 2005.
- Штомпка П.* Культурная травма в посткоммунистическом обществе // Социс. 2001. № 2.
- Ясин Е.* Приживется ли демократия в России. М.: Новое издательство, 2005.
- Dewey J.* Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education. N.-Y.: 1966.